

удерживать его духовным зрением. В самом деле, душа находит в себе самой знания, относящиеся к объектам этого рода. Это происходит всякий раз, когда мы воспринимаем истину. Ибо истина — это совсем другое, нежели эмпирическая констатация факта: это — обнаружение правила мышлением, которое ему подчиняется. Если я вижу, что $2 + 2 = 4$ или что следует делать добро и избегать зла, то я воспринимаю нечувственные реальности, чисто умопостигаемые, главный признак которых — их необходимость. Они не могут быть иными. Поскольку они необходимы, они неизменны. Поскольку они неизменны, они вечны. Необходимы, неизменны, вечны — эти три атрибута можно свести к одному: истинны. Их истинность в конечном счете сводится к тому, что они обладают бытием, ибо только то, что есть на самом деле, является истинным.

Если задуматься, то наличие в душе истинных знаний составляет существенную проблему. Как его объяснить? В некотором смысле все наши знания являются производ-

ными от наших ощущений. Мы можем П(знать только те объекты, которые мы виде] или можем представить по образу виденн] С другой стороны, никакой чувственш объект не является ни необходимым, ни н< изменным, ни вечным — напротив, все оі случайны, изменчивы, преходящи. Сколы бы ни накапливать чувственный опыт, н когда не вывести из него необходимого прт вила. Я хорошо вижу невооруженным гщ зом, что, действительно, $2 + 2 = 4$, но толы моя мысль позволяет мне увидеть, что и] че быть не может. Следовательно, не доступ* ные чувствам объекты сообщают мне ис ну о них самих и в еще меньшей степени о других объектах. Не являюсь ли тогда я с< источником моих подлинных знаний? Но не менее изменчив и случаен, нежели вещи; и именно поэтому моя мысль склоняете) перед истиной, которая господствует hi нею. Необходимость истины для разума является лишь признаком ее трансценденга сти по отношению к разуму. Истина, уа ваемая разумом, выше разума.

Следовательно, в человеке есть нечт< превосходящее человека. Поскольку это hi что — истина, оно представляет собой чи< то умопостигаемую, необходимую, неизмен-] ную, вечную реальность. Это именно то, мы называем Богом. Чтобы Его обозначить,] можно воспользоваться самыми разнообр; ными метафорами, но все они в конечно! счете имеют один смысл. Он есть умопостигаемое Солнце, при свете которого раз; видит истину; внутренний Наставник, Кото-] рый изнутри отвечает спрашивающему Его разуму; как бы Его ни называли, всегда стреч мятся указать на божественную реальность,! которая есть жизнь нашей жизни, более внут-] ренняя по отношению к нам, чем наш собственный внутренний мир. Поэтому все ав-: густинианские пути к Богу проходят в этом] направлении: от внешнего к внутреннему и от внутреннего к высшему.

Обнаруженный на этом пути Бог св. Августина предстает как реальность, внутренне присущая мышлению и одновременно

99 2. Латинский платонизм ГУ века

трансцендентная ему. Его присутствие удо-товеряется всяким истинным суждением, - ь т0 в науке, эстетике или морали, но Его пирода нам недоступна. Насколько мы можем понимать, речь здесь идет еще не о Боге, ибо Он неизречен, и нам легче сказать, что Он не есть, нежели что Он есть. Однако среди всех имен, какие Ему можно дать, есть одно, указывающее на Него лучше других,

это имя, под которым Он Сам открылс